

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 14, Is. 4, pp. 225-234, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.14.225

www.ejournal6.com

UDC 17

"Polite People" and Military Meekness: the Attributes of Military Ethics

Pavel V. Didov

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

E-mail: varang81@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the phenomenon of "polite people" from the point of view of the history and theory of ethical thought. Identify and specify ethical principles that form the basis of military courtesy. On the basis of the revealed regularities, the study proves that ethics is impossible without a certain power attributes, which constitute its core. In relation to the traditions of Russian warriors revealed the key role to their formation of the Orthodox ethics and the military of meekness. The obtained results can serve as material for educational activities for the formation of fighting spirit.

Keywords: military ethics, "polite people", Orthodox ethics, military meekness, the power attributes of ethics.

Введение

Недавнее воссоединение Крыма с Россией вызвало бурю откликов общественности и, между прочим, заставило вспомнить о драгоценном и редком – вежливости. У всех на слуху зазвучало выражение «вежливые зеленые человечки», под которыми подразумевались силы специального назначения ВС РФ, с помощью которых, в общем, удалось без пролития большой крови обеспечить право на референдум населения Крымского полуострова. Отметим, что действия наших солдат отличались высочайшим профессионализмом, а самым очевидным и заметным компонентом проявленного воинского профессионализма оказалась категория из области этики.

Предметом рассмотрения в предлагаемой статье является не только «воинская вежливость», но также и «воинская кротость». Это связано с осознанием того, что за вежливостью как нормой этикета, стоят более глубокие нравственные закономерности – этические принципы. Очевидно, что, с одной стороны, рассматривать нормы этикета в отрыве от этических и моральных принципов невозможно. А с другой – можно точно выполнять все предписания правил поведения, но не быть при этом культурным человеком. Таким образом, в зависимости от степени сознательности воина за «внешним фасадом» вежливости может быть скрыто или нравственно разреженное пространство, или солидный духовный талант. Природа этого таланта и является здесь поводом для размышления. Ведь этически удовлетворительное или неудовлетворительное решение данной проблемы напрямую формирует психологическую мотивацию воина и его способность побеждать.

Материалы и методы

Для выполнения рассматриваемого в данной статье философско-этического анализа широко привлекались историко-культурные, философские, богословские, а также художественные тексты, вошедшие в мировую классику. Теоретическими основами исследования являются также труды ученых, посвященные истории, теории и практике воспитания, в том числе верующих военнослужащих.

Методологическими основами исследования выступают классические философские положения о законах природы, общества и человеческого мышления. В процессе работы автор опирался на следующие принципы научного исследования: объективности; историзма; единства исторического и логического; взаимосвязи метатеоретического, теоретического и эмпирического, целостности, комплексности и системности. В ходе историко-философского анализа применялся компаративистский метод. Вместе с тем, философско-этический анализ религиозных и философских текстов в дополнение к сравнительно-историческому актуализировал использование герменевтического подхода, позволяющего в пошаговом режиме раскрыть суть исследуемого предмета.

В связи со сложностью военного историко-педагогического исследования проблемы нравственного воспитания в армии в работе уточнены основные методологические позиции автора.

Обсуждение

Вежливыми в Древней Руси называли тех, кто опытен, кто ведает, кто является знатоком. И лишь с XVIII в. вежливость сделалась по преимуществу синонимом обходительности и воспитанности [1]. При реконструкции искомым принципам, послуживших питательной средой для возникновения именно воинской вежливости, можно обратиться для начала к истории нравственно должного, начав с того, что зафиксировано в современных нормативных актах. Так, в уставе ВС РФ есть обязательная для исполнения норма воинского этикета: «военнослужащий при нахождении вне расположения полка должен вести себя с достоинством и честью, не совершать административных правонарушений, не допускать недостойных поступков по отношению к гражданскому населению» [2]. Как оказывается, данная современная норма этикета является для российской армии традиционной, что видно, например, при обращении к хрестоматийной «Науке побеждать»: «Обывателя не обижай! Он тебя поит и кормит. Солдат – не разбойник» [3].

Закономерно возникают новые вопросы, требующие разъяснения: а чем руководствовался гений А.В. Суворова, что было до его эпохи? И вот здесь будет уместным привести свидетельство исследователя византийской истории Ф. Осареса, согласно которому византийским воинам еще в далеком VI в. строго запрещались злоупотребления и насилие в отношениях с мирным гражданским населением [4]. Зная о том, какую важную роль сыграла Византия в становлении русской культуры, как общую норму можно обозначить приверженность древних византийских воинов и русских православным христианским традициям. Нормой являлось, что офицерский корпус русской армии, также как и византийской, находился под влиянием православной церкви, использовал ее нравственную силу для внутренней мобилизации, обучения и воспитания нижних чинов. В армии и во флоте и во всех структурах, связанных с ними, не было места, где бы не чувствовалось влияния священнослужителей [5].

Имея в виду, что воинский этикет формировался не в одночасье, а с течением истории, необходимо рассматривать современный воинский этикет сквозь призму православных традиций русского воинства, которые являются исторически объективным фактом. По наблюдению Г.А. Никишова, воинские традиции любой армии детерминированы духовной атмосферой, культурой страны, народ которой она призвана защищать. Поэтому рассматривать воинские традиции следует в соответствующем социокультурном контексте, ведь армия каждого народа, наряду с типовыми для любой армии мира, имеет и собственные отличительные традиции [6].

Этический потенциал православия является настолько сильным «горючим», что даже в атмосфере атеистической пропаганды продолжал питать дух российской армии советского периода [7]. Так, специалист по этике А.А. Скворцов справедливо подмечает, что нравственное учение православия не противоречит ни одной из мировых и национальных религий,

существующих в России, находя точки соприкосновения даже с атеизмом. В советской философской и политической мысли на основе нравственного аспекта православного учения была создана отдельная военная этика [8]. Это объясняется тем обстоятельством, что расхождения, которые существуют в догматике, являются делом исключительно богословия, а не этики.

Таким образом, обращенность современного внимания к православной этической традиции при анализе воинского этикета, является методически предreshенной, а понятие «воинской кротости» вводится и употребляется здесь как этический термин, призванный технически охватить те принципы, которые имманентно присущи христианской этике, и которые по истечении столетий оказались зафиксированы в современной норме воинского этикета – вежливости. Этические принципы, которые составляют воинскую кротость, неизменно в тех или иных близких по смыслу выражениях присутствуют в проповедях духовенства, обращенных к воинам во все времена, причем само словосочетание «воинская кротость» не имеет специально закрепленного употребления в православной традиции.

Дело в том, что когда в церковных проповедях говорится о кротости или смирении, то зачастую подразумевается такая их природа, которая присуща именно воинскому этосу. Это связано с тем, что христианская религия по своим происхождению и природе имеет военный характер. Например, одно из наиболее часто встречаемых имен Бога в Библии (в Ветхом завете значительно чаще, чем в Новом), не менее 255 раз – Саваоф. Переводится это имя как: «Бог (Господь) Воинств». Естественно, что данное имя употребляется в связи с военными событиями, не только мирскими, но и духовными. Имя Саваофа любой может услышать в православной церкви на регулярных богослужениях. В монографии, посвященной метаморфозам нравственности, Е.В. Беляева делает обоснованный вывод, что органичность синтеза воинского этоса с идеологией мировых религий наводит на мысль об их тайном родстве или, по крайней мере, взаимодополнительности [9].

Вместе с тем, роль церкви в мирских военных действиях традиционно сведена к роли духовной наставницы, оправдывающей, или осуждающей войну, но никогда самостоятельно их не ведущей. Христианство – это не религия пацифизма, а религия смирения, кротости и долготерпения, культивирование которых вовсе не отрицает возможность применения законных насильственных мер, но откладывает их на возможно более долгое время, задает им жестко обозначенные рамки или вовсе отменяет, если таковой представляется в данных обстоятельствах воля Бога.

Духовные наставления о необходимой для воина кротости проистекают из евангельского текста: «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем» [10]. Вот как комментирует в XIX в. этот известный евангельский фрагмент о воинской службе митрополит Филарет Дроздов в своем «Катехизисе для воинов»: «1) никого не обижайте, т.е. не поступайте ни с кем нагло и насильственно; 2) не клеветайте, т.е. когда, например, находясь на страже, должны будете свидетельствовать о том, что случилось во время стражи, на глазах ваших; 3) довольствуйтесь своим жалованьем, т.е. содержанием, какое вам определено должностью и какое на вас возложено званием, в какое вы поставлены» [11].

Единство православного подхода к пониманию характера воинской службы прослеживается, начиная от древних церковных учителей и до нашего времени. Так, в IV в. Аврелий Августин как общее правило указывает, что «слугам Христа, цари ли они или князья, судьи или воины, жители ли провинций, богатые или бедные, свободные или рабы, того или другого пола, повелевается терпеть, коль скоро это необходимо, даже и самую развращенную и распущенную республику» [12]. Учитывая контекст новозаветного учения, ясно, что терпеть Августин велит не в ущерб проходимому общественному служению, не ложно и из малодушного страха перед людьми, а истинно, т.е. в духе, согласно со страхом Божиим.

Результаты

В России последних двух веков православная воинская этика предстает более детально проработанной, и в «Сборнике кратких христианских поучений к воинам», составленном прот. Г.И. Мансветовым накануне Отечественной войны 1812 г., встречаются следующие подробные указания: «...неприятель – «брат по плоти», поэтому, убивая его, свою воинскую

должность нужно исполнять без ожесточения; пораженному противнику следует давать пощаду; грабеж и мародерство недопустимы; к иноверческим храмам противника нужно относиться с уважением, чтобы не вызвать ответного ожесточения; войны только начинают люди, а заканчивает их Бог, который помогает правому делу. Хотя смерть на поле брани признается пропуском в рай, в обычной жизни воин должен заботиться о добропорядочном поведении и спасении своей души, потому что обремененному пороками даже героическая смерть на поле боя не поможет избежать вечных мук ада» [13].

Митрополит Филарет, обращаясь к воинам, учит: «...добрый воин, лев против врагов, должен быть агнцем между своими. Жить в мирное время надо кротко и любовно, а гнев и грозу приберечь для врагов Отечества» [14].

Вот так звучали напутственные слова воинам, уходившим воевать в Маньчжурию во время Русско-Японской войны, от священника Александра Рождественского: «Конечно, говорить нечего о том, что в такие дни надо вести себя трезво, чисто, свято и всегда помнить, какой высокий долг возложен на каждого из вас» [15].

И в наше время ответственный по взаимодействию Русской православной церкви с вооруженными силами России прот. Димитрий Смирнов настаивает, что: «Во время сражения христианин должен быть совершенным воином: храбрым и послушным начальству, не злоупотребляющим насилием, не жестоким» [16].

В этих поучениях в том или ином виде заключено одно и то же принципиально главенствующее антиномичное утверждение, требующее специального рассмотрения: воинственность в поведении воина должна быть уравновешена кротостью. Платон, вероятно, первый описал это противоречие: «— Как же нам быть? Где мы найдем нрав и кроткий, и вместе с тем отважный? Ведь кроткий нрав противоположен ярости духа... — Если же у кого-нибудь нет ни того ни другого, он не может стать хорошим стражем. Похоже, что это требование невыполнимо, и, таким образом, выходит, что хорошим стражем стать невозможно» [17].

Формула воинской кротости оказывается антиномией не только для воинского этоса как такового, но и для самого православного вероучения, которое эту формулу, вольно или невольно, переняло от античной философской традиции или открыло самостоятельно и развило в христианском смысле. Возникает необходимость разобраться во внутренних перипетиях этой формулы, согласно которой воинам следует обуздывать свою воинственную энергичность заповедью о кротости, а христианам, людям, живущим духовной жизнью, предписывается собственную кротость, напротив, развивать в энергичном направлении [18].

Выясняя природу внутренней противоречивости воинской кротости, уместно использовать диалектический метод, с помощью которого положительная ясность понятия может быть достигнута за счет обозначения всего, что ему противоположно. В данном случае противоположностью кротости является чувство гнева. И если бы кротость была только простым чувством, а не сложной духовно-интеллектуальной рефлексией, то простого противопоставления кротости и гнева было бы достаточно. Можно было бы сказать: кротость — это отсутствие гнева, т.е. безгневие. Но ситуация осложняется тем, что гнев, в свою очередь, тоже может быть интерпретирован как положительная духовно-интеллектуальная рефлексия, сближаясь по своему нравственному смыслу с кротостью.

Когда Платон примирил кротость и ярость в характере воина, он сделал это не с помощью логики, а взяв за образец пример поведения породистой собаки, верной хозяину и непримиримой к чужакам. Но если нам важен детальный анализ, то следует обратиться к философскому наследию Аристотеля, который дал практически исчерпывающий ответ на исследуемое здесь противоречие: «Тот, кого гнев охватывает из-за того, из-за чего следует, и из-за тех, из-за кого следует, а вместе с тем и так, как следует, в должное время и на должный срок, тот заслуживает похвалы. Ведь кто придерживается добродетельной середины между крайностями, тот есть кроткий и ровный человек — не безрассудно гневливый и не апатично безгневный. Кроткий желает быть невозмутимым и не идти на поводу у страсти. Он поступает согласно рассуждению и злится в положенный срок». Можно только удивляться неослабевающей объяснительной силе аристотелевой аргументации. Далее античный классик продолжает: «Кроткий не мстителен, а скорее склонен прощать. Но и не совсем безгневен. Ведь те, у кого не вызывает гнева то, что следует, считаются глупцами, и это справедливо осуждается. А также глупцами называются

те, кого гнев охватывает не так, как следует, не тогда и не на тех, на кого следует. Кажется ведь, что такой человек не чувствует и не страдает, а недоступный гневу, по-видимому, он не способен защищаться. Между тем сносить унижения самому без добровольного произволения и допускать, чтобы унижали близких, низко» [19].

Очевидно, что Аристотель в своих оценках природы кротости и гнева двигает фокус внимания по палитре человеческих переживаний от слепого чувства до рассудительности туда и обратно. И фиксирует при этом различные моральные ситуации, в которых кротость и гнев то неразличимо соединяются в одной точке – точке рассудительности, то противостоят друг другу, чем меньше они опосредованы мышлением. Аристотель, таким образом, связывает принципиальную противоположность кротости и гнева не с их содержанием, а с тем, насколько уместно их применяют.

Теперь можно проверить, насколько это философское суждение о кротости согласно с православной традицией. Вот что, например, говорится у авторитетного наставника монашества IV века аввы Исаии в его поучении «О хранении ума»: «Уму по естеству свойствен гнев на страсти. Без гнева и чистоты не бывает в человеке, т.е. если не будет он гневаться на все, всеваемое в него врагом. Хотящий прийти в этот естественный уму гнев, отсекает все свои хотения, пока не поставит себя в состояние, характеризующее умом (умное, духовное состояние, в котором душа и тело подчинены во всем духу)» [20].

У аввы Исаии (Скитский) говорится о том, что гнев может быть умным, в противовес неразумному гневу, о котором единодушно с Исаией рассказывает его современник и духовный соратник Марк Подвижник: «...поговорим немного и о неразумной страсти гнева, которая во время своего движения и воздействия опустошает всю душу, приводит ее в смятение и омрачает и человека делает подобным зверю, такого особенно, который легко поползновенен и быстро преклонен на нее. Страсть эта крепится, поддерживается и делается непреодолимой от гордости... чтобы этот дом был разорен и раскопан, то возымей смирение Господа незабвенным в сердце своем» [21].

Неразумной страсти гнева противопоставляется здесь смирение, а смирение в свою очередь действует с помощью «естественного уму гнева». Бесспорно, что смирение является важнейшей православной традицией. Но реальность наполнена множественными конфликтами, неадекватное разрешение которых привело бы к абсурдной ситуации. Например, до каких пор смиряться и терпеть, чтобы не позволить развалиться церковному сообществу, как относиться к предательству, к давлению на церковь со стороны официальной власти, где пролегают нравственно оправданные пределы строгости? И поэтому, наряду с поучением о смирении, Марк Подвижник поясняет, в каких случаях в общежитии общее начало важнее частного: «Когда поврежденность одного (который повредил себе непослушанием или другим чем) распространяется на многих, тогда не следует долготерпеливничать, ни своей искать пользы, но многих, да спасутся [22]. Ибо общая добродетель полезнее частной» [23]. Важно отметить, что согласно с общим православным духовным настроем здесь нет речи об обязательности силового решения для конфликта, которое хотя и не исключено совсем, но прежде всего должны быть такие формы воздействия употреблены как выговор, осуждение, неуважение и т.п.

Ясно, что следует не только по происхождению отличать умный гнев от неумного, но и то замечать, как значение гнева опосредуется областью употребления – в частной или в общественной сферах. Даже умный гнев в частной сфере может быть и никак не выражен, а вот в общественной его невыраженность – бывает преступна. Дальше – больше: «...хотя бы даже гнев твой был справедлив, и тогда не должно питать вражды. Так и Христос, невзирая на то, что гнев Его против нас был праведен, предал Себя самого за нас на заклятие, не вменяя нам грехов наших» [24]. Таким образом, даже вполне уместный в общественных отношениях умный гнев имеет моральное ограничение в области применения – он не должен превращаться во вражду. Т.е., по мысли Иоанна Златоуста, умный, справедливый гнев направляется на преступление, а не на преступника, в котором следует различать некий всеобщий, подобный себе и Богу образ. Это принципиальное условие, которое ставит война на безупречную моральную высоту, придавая ему сил и вдохновения для победы над противником.

Понятие «праведного гнева», по мнению прот. Димитрия Смирнова вполне приемлемо для христианина [25]. Согласно авве Исае и Марку Подвижнику он указывает, что гнев –

это естественное свойство человеческой души. И согласно Иоанну Златоусту дополняет: но он должен быть направлен на греховный поступок, а не на личность. Вместе с тем, например, современный исследователь этики, А.Е. Зимбули, доказывая, что там же, где проводятся тренинги по развитию толерантности, должны проводить также тренинги по управлению и культуре гнева, отмечает невозможность разделения поступка и личности: «Когда кто-то угощает нас шоколадкой, преподносит нам букет цветов и т.п. – мы испытываем благодарность, адресуем радость не шоколадке, не букету, а человеку, который их нам преподносит. Почему бы это по поводу хороших поступков мы должны напрямую смотреть на самих авторов, а по поводу дурных – только на их деяния?!. Этические рассуждения о гневе и его разновидностях нужно вести не с какой-нибудь субъектно-объектной точки зрения, а исходя, прежде всего из ценностного содержания субъектно-субъектных отношений» [26].

Это ценное наблюдение, отталкиваясь от которого можно точнее выяснить, что подразумевается под различием поступка и личности в православной традиции. В подходе, предложенном А.Е. Зимбули, внимание философа сконцентрировалось на психологии момента, не учитывая совокупности всех поступков человека. И действительно – это под силу только абсолютному разуму. На это обстоятельство и указывает стремление отцов церкви рассматривать поступки и личность отдельно друг от друга – в данный момент времени, но не с точки зрения вечности! Ведь при всем том, что поступок и личность различаются в православном толковании, все-таки личность несет полную ответственность за свои деяния. О чем в Библии недвусмысленно говорят угрозы вечных мук ада для неисправимых преступников.

Смысловая связка: происхождение, область и условие применения воинской кротости, – подтверждается не только в известных поучениях IV-V вв., но также и в сборнике святоотеческих поучений XIX в., составленном Игнатием Брянчаниновым: «Если прежде не возненавидишь, то не сможешь возлюбить. Если не возненавидишь грех, то не сможешь быть делателем правды... Сказал старец: лучше люблю поражение со смирением, нежели победу с гордостью» [27].

Также, еще в древности было отмечено такое свойство воинской кротости как шутка и смех: «...старайся занять выгоднейшее положение; а это значит, пришедшего в ярость старайся низложить шутками. Смех – самое сильное оружие к победе над гневом. Как в кулачных боях, кто в сильной и стремительной ярости по пустому месту сыплет удары, тот скорее утомляется, нежели принимающий на себя эти удары, истощение же сил – неискусный в бою прием; так и тому, кто оскорбляет человека, который не сердится на его нападение, но смеется над ним, всего более бывает это огорчительно; напротив, если встречает он себе сопротивление, это приносит ему некоторое удовольствие, потому что доставляется новая пища для гнева, а гнев ему весьма приятен и ненасытен» [28]. Здесь надо обратить внимание на то, что даже при соблюдении идеализированного условия различения преступления от преступника, бой с противником строится по реальным психологическим правилам, в которых предпочтение отдается самым человеколюбивым.

До сих пор больше говорилось об амбивалентной природе гнева, так как гнев при определенных условиях то является составной частью кротости, то ее антиподом. Но кротость включает в себя, помимо негативистского идеала умного гнева, прежде всего собственное положительное содержание: «Смиранный не клеветает брату на брата (это сатанинское дело), но служит для них миротворцем, не воздая злом за зло. Смиранный почитает не только высших, но и низших себя... Смиранный не увлекается раздражительностью, никого не оскорбляет, ни на кого не кричит, но по благоговению все то презирает. Смиранный не упрямится и не ленится... не знает ни досады, ни лукавства... не упивается вином, не предаётся чревоугодию... если услышит выговор, не ропщет, и если будет заушен, не выйдет из терпения... ненавидит самолюбие... не домогается первенства... оружие Господа нашего – смирение... Кто любит победу, тот вооружайся этим оружием...» [29], – смирение прогоняет ненависть, зависть и злобу, а взамен наполняет душу любовью, миром, радостью духа и весельем мудрости, приобретая себе благорасположение Бога и всякого человека. В своих поучениях в IV в. Ефрем Сирийский говорит то о смирении, то о кротости, не проводя четкой разницы, сближая по смыслу эти два понятия: «Кроткий, если и обижен, радуется... гневных укрощает любовью; принимая на себя удары, остается тверд;

во время ссоры спокоен, в подчинении веселится, не уязвляется гордыней, в унижениях радуется... всякому начальству покорен, на всякое дело готов, во всем заслуживает одобрение, все его хвалят. Он чужд лукавству, далек от лицемерия. Он не служит пронырству, не покоряется зависти, отвращается злоречия, не терпит наушничества, ненавидит порицателей, отвращается наушников» [30]. Еще раз обратим внимание на то, что в одной строке с утвердительными императивами соседствуют отрицательные: любовь требуется для укрощения гнева (а укрощение, в общем, тоже ведь какое-то насилие) и тут же – ненависть к самолюбию, нетерпение к наушничеству и т.д.

Очевидно, что определение кротости у Ефрема Сирина и встречаемые подобные определения у других православных учителей церкви даются через призму личностных отношений для руководства ко внутренней духовной войне преимущественно с собственными недобрыми страстями. В таком достаточно подробном для личной жизни определении не вполне раскрыты обязанности человека на мирской войне, в общественном делании, в политике, но в них усматриваются указания на общее этическое направление человеческой деятельности. В предлагаемых же выше рассуждениях понятие воинской кротости призвано отразить прежде всего ситуацию человека проходящего общественное служение, и необходимо, что определение воинской кротости, опираясь на общее определение кротости включает в себя также специальные пояснения о роли умного гнева.

Христианская культура переполнена призывами к смирению и кротости, но при этом, как правило, дается только положительная их часть. Очень редко говорится о лжесмирении и неуместной кротости! Такой однобокий подход не может не вызвать нравственной ошибки в понимании кротости, которая на поверку оказывается самообманом, малодушием или человекоугодничеством.

Выводы

Возможно ли воевать не впадая в крайности, в жажду кровопролития? Это трудно, но возможно. Православные воины прошлого, известные борцы-спортсмены православного исповедания нашего времени, такие, как например чемпионы Александр Карелин, Николай Валуев и Федор Емельяненко, стараются показывать пример личной кротости и безгневия наряду с несомненной способностью побеждать даже физически превосходящего противника. Занимаясь современной политикой, данные спортсмены опровергают также утверждение, что политика есть исключительно грязное дело, несовместимое с православием, и показывают конкретный пример сочетания светского и религиозного планов бытия.

При сопоставлении, с одной стороны, рассуждений о кротости Платона и Аристотеля и, с другой, православной традиции, очевидно совпадение интеллектуальных и социально-ориентированных установок в оценке природы и роли кротости, что наглядно иллюстрирует союз светского разума и веры. Можно утверждать, что оценка, данная Аристотелем, имеет универсальное практическое и теоретическое значение, равно великое в древности и сегодня. Проанализировав высказывания Аристотеля и православную традицию, можно резюмировать следующие константы, раскрывающие понятие воинской кротости: храбрость, а не безрассудство; интеллектуальность, т.е. если гнев и ненависть допустимы, то при условии максимальной опосредованности мышлением; справедливость; различение преступления и преступника, видение образа Божия даже в противнике; не вражда, а шутка над противником; честность, которая не исключает применения военной хитрости на поле брани; личная скромность, которая не роняет чести и достоинства армии как сообщества; трезвенность-бдительность; человеколюбивость и прагматизм, которые не должны осуществляться в ущерб друг другу; самопожертвование, а не самоедство [31].

Следует считать, что именно данные этические принципы получили сегодня оформление в виде воинской нормы этикета – вежливости. А вместе с тем описанные этические принципы представляют собой более или менее полный состав, можно сказать, силовых атрибутов этики, овладение которыми в совершенстве способно доставить их обладателю всемирную славу бойца элитных воинских спецподразделений – «вежливого человека».

Литература

1. Этимологический словарь русского языка Семенова [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/semenov/Vezhliv-506.html> (дата обращения: 26.08.2016).
2. Воинский этикет и культура общения военнослужащих [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voen-pravo.ru/index.php/ogp-podgotovka/1098-q14> (дата обращения: 26.08.2016).
3. Суворов А.В. Наука побеждать. М.: РИМИС, 2009. С. 33.
4. Осарес Ф. Византийская армия в конце VI в. (по «Стратегикону» императора Маврикия) /Пер. с франц. А.В. Банникова; Отв. ред. М.М. Холод. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 61.
5. Морихин В.Е. Традиции офицерского корпуса русской армии. Научно-историческое исследование. 2-е изд., испр. и доп. М.: Кучково поле, 2010. С. 399.
6. Никишов Г.А. Военные традиции России как отражение русской культуры // Военные традиции России: история, психология, культура : Материалы междунар. науч. конф., 21-22 дек. 2000 г., Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 2000. С. 69.
7. На службе Отечеству: об истории Российского государства и его вооруженных силах, традициях, морально-психологических и правовых основах военной службы. М.: Издательство Русь РКБ, 1998. С. 118, с. 135.
8. Скворцов А.А. Русская религиозная этика войны XX века. Монография. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 198.
9. Беляева Е.В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е.В. Беляева. Минск: Экономпресс, 2007. С. 237.
10. Лук. 3:14.
11. Дроздов Филарет, митрополит. Катехизис для воинов [Электронный ресурс]. URL: <http://agrapustin.narod.ru/katehises.html> (дата обращения: 26.08.2016).
12. Аврелий Августин. Творения в 4 т.: Том 3. О Граде Божиим (Кн. I-XIII). СПб: Алетейя, 1998. С. 77.
13. Цит. по: Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. С. 54.
14. Дроздов Филарет, митрополит. Катехизис для воинов [Электронный ресурс]. URL: <http://agrapustin.narod.ru/katehises.html> (дата обращения: 26.08.2016).
15. И один в поле воин. Народный печальник, апостол трезвости отец Александр Рождественский. СПб.: Издание храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала, 2005. С. 56.
16. Смирнов Дмитрий, протоиерей. Когда Каин убил Авеля // Виноград. СПб., 2008. № 3 (23), май-июнь. С. 8.
17. Платон. Избранное / Платон; пер. с древнегреч.; Вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2007. С. 97.
18. Лук.16:16
19. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998. С. 236.
20. Преп. авва Исаия // Добротолюбие в 4-х т.: Том 1. Минск: Харвест, 2003. С. 200.
21. Св. Марк Подвижник // Добротолюбие в 4-х т.: Том 1. Минск: Харвест, 2003. С. 210.
22. 1 Кор.10:33.
23. Св. Марк Подвижник // Добротолюбие в 4-х т.: Том 1. Минск: Харвест, 2003. С. 244.
24. Златоуст Иоанн. Иже во святых отца нашего Иоанна архиепископа Константина града Златоустого избранные творения: собр. поучений в 2-х т.: Том 1. М.: Посад, 1993. С. 185.
25. Смирнов Дмитрий, протоиерей. Когда Каин убил Авеля // Виноград. СПб., 2008. № 3 (23), май-июнь. С. 8.
26. Зимбули А.Е. Гнев: смертный грех или...? // Зимбули А.Е. Лекции по этике: Учеб. пособие. Вып. 3. СПб.: Изд-во «Пневма», 2011. С. 19.
27. Брянчанинов Игнатий, епископ. Отечник. М.: Издание Донского монастыря, 1993. С. 366, с. 368.
28. Богослов Григорий. Собрание творений: в 2-х т.: Том 2. Минск: Харвест, 2000. С. 252.

29. Преподобный Ефрем Сирийский. О страстях и добродетелях. М.: Неугасимая лампада, 2014. С. 32.
30. Преподобный Ефрем Сирийский. О страстях и добродетелях. М.: Неугасимая лампада, 2014. С.43.
31. Библия. Ветхий и Новый заветы. Ос. 6:6.

References:

1. Etymological dictionary of the Russian language of Semenov [Electronic resource]. URL: <http://enc-dic.com/semenov/Vezhliv-506.html> (date accessed: 26.08.2016).
2. Military etiquette and culture of communication troops [Electronic resource]. URL: <http://www.voen-pravo.ru/index.php/ogp-podgotovka/1098-q14> (date accessed: 26.08.2016).
3. Suvorov A. V. Science of victory. M.: RIMIS, 2009. P. 33.
4. Osares F., the Byzantine army at the end of VI century (according to "Strategikon" Emperor of Mauritius)]. Translated A. V. Bannikov; Resp. edited by M. M. Kholod. SPb.: Izd-vo S.-peterb. University press, 2007. P. 61.
5. Morikhin V. E. Traditions of the officer corps of the Russian army. Scientific and historical research. 2-e Izd., Rev. and additional M.: Kuchkovo pole, 2010. P. 399.
6. Nikishov A. G. Military traditions of Russia as a reflection of Russian culture // the Military traditions of Russia: history, psychology, culture : Materials of Intern. scientific. Conf. 21-22 Dec. 2000, St.-Petersburg. SPb.: Nestor, 2000. P. 69.
7. In the service of the Fatherland: the history of the Russian state and its armed forces, traditions, moral and legal foundations of military service. M.: Publishing house Rus RCH, 1998. P. 118, p. 135.
8. Skvortsov A. A. the Russian religious ethics wars of the twentieth century. Monograph. M.: MAKS Press, 2002. P. 198.
9. Belyaeva E. V. Metamorphoses of moral: the dynamics of historic systems of morality / E. V. Belyaeva. Minsk: Ekonompress, 2007. P. 237.
10. Luke 3:14.
11. Filaret Drozdov, Metropolitan The Catechism for soldiers [Electronic resource]. URL: <http://agrapustin.narod.ru/katehises.html> (date accessed: 26.08.2016).
12. Augustine Creations in 4 volumes: Volume 3. City Of God (Book. I-XIII). St. Petersburg: Aletheia, 1998. P. 77.
13. By: L. V. Melnikova the Army and the Orthodox Church of the Russian Empire during the Napoleonic wars. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. P. 54.
14. Filaret Drozdov, Metropolitan The Catechism for soldiers [Electronic resource]. URL: <http://agrapustin.narod.ru/katehises.html> (date accessed: 26.08.2016).
15. And one soldier in the field. The people's intercessor, the Apostle of temperance father Aleksandr Rojdestvenskiy. SPb.: A publication of Church of the Resurrection at Warsaw station, 2005. P. 56.
16. Dmitry Smirnov, Archpriest When Cain killed Abel // Grape. SPb., 2008. №3 (23), may-june. P.8.
17. Favorites Plato / Plato; transl. from ancient Greek.; Introd. article and comments. Vladimir Skoda. M.: AST; Kharkiv: Folio, 2007. P. 97.
18. Luke 16:16
19. Aristotle Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Category. Mn.: Literature, 1998. P. 236.
20. Prep. Abba Isaiah // the Philokalia in the 4-t: Vol. 1. Minsk: Kharvest, 2003. P. 200.
21. St. Mark the Ascetic // Philokalia in the 4-t: Vol. 1. Minsk: Kharvest, 2003. P. 210.
22. 1 Cor. 10:33.
23. St. Mark the Ascetic // Philokalia in the 4-t: Vol. 1. Minsk: Kharvest, 2003. P. 244.
24. Chrysostom John, Who in Holy father John, Archbishop Constantine hail Chrysostom favorite creations: Coll. sermons in 2 volumes: Volume 1. M.: Posad, 1993. P. 185.
25. Dmitry Smirnov, Archpriest When Cain killed Abel // Grape. SPb., 2008. №3 (23), may-june. P. 8.
26. Zimbuly A. E. Anger: Smarty sin or...? // Zimbuly A. E. Lectures on ethics: Proc. allowance. Vol. 3. SPb.: Izd-vo "Pneuma", 2011. P. 19.

27. Bryanchaninov Ignatius, Bishop of Otechnik. M.: Publishing of the Donskoy monastery, 1993. С. 366, P. 368.
28. Theologian Gregory Collection of works: in 2 volumes: Volume 2. Minsk: Harvest, 2000. P. 252.
29. St. Ephrem the Syrian About the passions and virtues. M: the Inextinguishable lamp, 2014. P. 32.
30. St. Ephrem the Syrian About the passions and virtues. M: the Inextinguishable lamp, 2014. P. 43.
31. Hosea 6:6.

УДК 17

«Вежливые люди» и воинская кротость: атрибуты воинской этики

Павел Валерьевич Дидов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: varang81@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен «вежливых людей» с точки зрения истории и теории этической мысли. Выявляются и указываются этические принципы, заложенные в основе воинской вежливости. На основании выявленных закономерностей в исследовании обосновывается, что этика невозможна без определенных силовых атрибутов, которые составляют ее стержень. Применительно к традициям российского воинства раскрывается ключевая для их формирования роль православной этики и воинской кротости. Полученные результаты могут послужить материалом для воспитательных мероприятий по формированию боевого духа.

Ключевые слова: воинская этика, «вежливые люди», православная этика, воинская кротость, силовые атрибуты этики.